

ского, Страхов упомянет вскользь о «глупых размолвках» и о том, что они «не ладили все последнее время».⁵⁸ Восстановить в полном объеме прежние добрые отношения все же не удалось, хотя Пушкинская речь Достоевского, обрадовавшая Страхова, создала для этого прекрасные возможности. Вскоре последовавшая смерть Достоевского прервала начавшийся примирительный процесс.

В наиболее концентрированном и очищенном от разных посторонних мотивов виде Страхов сказал о «Дневнике писателя» и Пушкинской речи в статье «Взгляд на текущую литературу». Никогда так торжественно и с пафосом Страхов не писал о Достоевском: это «явление», которое «в нашей литературе занимало большое, даже огромное место»; он «был главным деятелем и представителем некоторого *петербургского славянофильства*, составившего совершенно особую струю в потоке петербургской журналистики, струю, расширяющуюся с каждым годом. Его „Дневник“, его речь на Пушкинском празднике, его публичные чтения были рядом истинных побед над публикою; когда он умер, уважение и любовь к нему вспыхнули ярким пламенем, которого не забудет никто из видевших».⁵⁹ Апофеоз Достоевского — его триумфальная речь, взволнованное слово писателя ко всем слоям раздраемого противоречиями русского общества: «Огромное влияние Достоевского нужно причислить, конечно, к самым отрадным явлениям, и в нем есть одна черта, заслуживающая величайшего внимания. Эта черта — отсутствие злобы в постановке нашей великой распри между западной и русской идеею. Эта черта поразила всех в пушкинской речи Достоевского, но она же характеризует собою и его „Дневник“, и его романы. При всей резкости, с какою он писал, при всей вспыльчивости его слога и мыслей, нельзя было не чувствовать, что он стремится найти выход и примирение для самых крайних заблуждений, против которых ратует. „Смирись, гордый человек, потрудись, праздный человек!“ Эти слова, которые с такой неизобразимою силою прозвучали в Москве над толпою, эти слова звучали не угрозой, не ненавистью, а задушевным, братским увещанием».⁶⁰

Таковы же в основном и мотивы главки «Пушкинский праздник» в «Воспоминаниях» и одноименной статьи, в значительной степени воспроизведившей текст главки (но с некоторыми немаловажными дополнениями и изменениями: в статье появилось изложение выступлений Ивана Аксакова и Островского;⁶¹ больше сказано о почвенниках, которых он здесь предпочитает назвать партией «чисто литературною, или, пожалуй, *пушкинскою*, наконец, просто *русскою*»,⁶² упомянет и о замеченном всеми отсутствии на празднике Льва Толстого). Страхов включил очерк в книгу «Заметки о Пушкине и других поэтах» (1888), которую завершает поздний, усталый и минорный мотив: «Хороший был праздник, и очень торжественный, и очень содержательный. Вернувшись с него, я тогда смело написал: „Статуя и торжество, конечно, много будут содействовать увековечению имени Пушкина“. Теперь, через восемь лет, я бы этого никак не сказал. И монумент, и

⁵⁸ Л. Н. Толстой и Н. Н. Страхов. Полное собрание переписки. Т. 2. С. 591.

⁵⁹ Страхов Н. Н. Литературная критика. С. 392.

⁶⁰ Там же.

⁶¹ Счел необходимым Страхов, возвращаясь к событиям памятного дня, на этот раз сжать и остановиться на некоторых темах речи Достоевского: «Здесь я хочу не разбирать или излагать эту речь, хочу только *напомнить* ее содержание читателям, для связи, для порядка рассказа» (Там же. С. 174).

⁶² Там же. С. 176. Вспомнит не только А. Григорьева, но и «восторженные речи и благородные фигуры Е. Н. Эдельсона, Б. Н. Алмазова», всю «*молодую редакцию* Погодинского „Москвитянина“». Подчеркнет и свою принадлежность пушкинской школе.